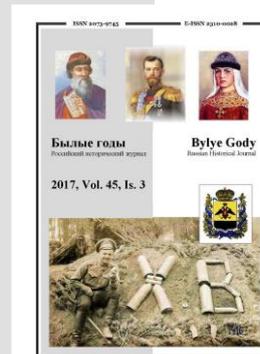

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 986-994, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.986
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)083

Group Rapes in Russian Villages in the beginning of the 20th Century

Vladimir B. Bezgin ^{a,*}

^a Tambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

The relevance of the subject is determined by a current increase in public danger of criminal assault on sexual integrity of women. Such crimes committed by a group of people are particularly cynical and turn violent. The analysis of the problem existing a century ago in Russian villages will be useful in the research of victimologic reasons of the crime and while determining the factors of sexual aggression.

The purpose of the article is to study such a phenomenon of the rural everyday life in the beginning of the 20th century as group rapes. The group rapes committed by peasants in Russian villages of that historical period are analyzed on the basis of a wide range of archival sources scientifically introduced for the first time. Distinctive features of this type of a crime and the rate of its expansion in the rural environment are determined. Characteristic places of their commission, number of members in a criminal group and their age are found out. The tendency is noted that there was decrease in age of rural rapers whereas there was increase in number of sexual crimes in Russian villages. Court practice for such cases and punishment for crimes against women's honor and dignity are studied. Special consideration is given to the victims of group rapes.

As a result of the conducted research the following conclusions are drawn. Group rapes in Russian villages were caused both by masculinity of patriarchal way of rural life and by sexism of the stereotypes occurring in the country environment. The increase in number of group rapes in the villages of the studied period was consistently induced by the increased social mobility of peasants, laicisation of villagers' consciousness, erosion of moral foundations, and growth of deviant behavior among the rural youth.

Keywords: Russian Empire of the early 20th century, peasantry, village, group rapes, crime, police investigation, judicial investigation, court, punishment.

1. Введение

Проблема социальных девиаций в сельской повседневности России периода поздней империи является важной исследовательской задачей. Анализ отклоняющегося поведения крестьян в период модернизации предполагает изучение сексуальных преступлений. Актуальность темы определена современной тенденцией повышения общественной опасности преступных посягательств на половую неприкосновенность женщин. Научное осмысление этой проблемы в ее исторической ретроспективе имеет практическое значение для выяснения виктимных причин половых преступлений и установления факторов проявления сексуальной агрессии.

2. Материалы и методы

2.1. Обращение к архивным документам дало возможность не только выявить конкретные факты, но и осуществить анализа этого феномена деревенской действительности. Хотя суды обычно рассматривали дела об изнасиловании на закрытых заседаниях, чтобы защитить репутацию жертвы,

* Corresponding author
 E-mail addresses: vladyka62@mail.ru (V.B. Bezgin)

особенно если она не состояла в браке, судебные отчеты, тем не менее, представляют собой один из нескольких источников. Информация об этом явлении почерпнута из сведений о происшествиях, преимущественно центрально-черноземных губерний, направляемых в министерство внутренних дел России за период 1910–1916 гг. Другим источником послужили материалы кассационного департамента министерства юстиции, где отложились ходатайства и прошения осужденных о помиловании или смягчения приговора по делам такого рода. Сведения по этому вопросу также извлечены из этнографических источников, материалов тенишевского фонда Российского этнографического музея.

2.2. Методология исследования основана на междисциплинарном подходе в изучении данной проблемы, что обусловлено спецификой изучаемого явления. Групповые изнасилования в российской деревне начала XX в., рассматриваются не только как преступные действия, но и как одна из форм социальной девиации крестьянства периода поздней империи.

3. Обсуждение

Сексуальное насилие в обыденной жизни российского села периода поздней империи остается темой малоизученной в исторической науке. Отдельные сюжеты данной проблемы нашли свое отражение в публикациях отечественных исследователей: А.П. Богомаз, З.З. Мухиной, Н.Л. Пушкаревой (Богомаз, 2015; Мухина, Пушкарева, 2012). Практики супружеского насилия в повседневной жизни русской семьи XVIII в. изучены в работе М. Муравьевой (Муравьева, 2012). Ей же впервые предпринята попытка дать методологическое обоснование этой проблемы (Muravyeva, 2005). Проблеме снохачества в русской деревне посвящена статья С.Г. Федорова (Федоров, 2015). Сам автор настоящей статьи неоднократно обращался к вопросу сексуального насилия в крестьянской среде второй половины XIX – начала XX в. (Безгин, 2009; Безгин, 2015).

В зарубежной историографии проблема групповых изнасилований изучена более обстоятельно, но в основном работы посвящены другим историческим периодам (Healey, 2012; Kaiser, 2002; Naiman, 1990). Наибольший интерес в контексте обсуждаемой проблемы представляет книга С. Фрэнка «Преступность, культурный конфликт и справедливость в сельской России. 1856–1914» (Frank, 1999). В одном из разделов данной работы дан анализ состояния половых преступлений в российской деревне. По его мнению, в случае группового изнасилования потерпевшие крестьянки обращались в суд чаще, но при этом в большинстве судебных дел фигурирует единственный насильник, а не группа (Frank, 1999: 163).

4. Результаты

В России периода поздней империи на фоне общего ухудшения криминальной ситуации в стране был отмечен и рост числа сексуальных преступлений. Число таких преступлений, зафиксированных полицией, составляло в среднем в год (тыс.): в 1884–1893 гг. – 3,1; в 1894–1905 гг. – 9,7; 1906–1908 гг. – 10,8; 1909–1913 гг. – 14,4 (Миронов, 2000: 90). Таким образом, наблюдалась устойчивая тенденция роста числа такого рода преступлений, за три десятилетия количество изнасилований выросло почти в пять раз. По данным уголовной статистики МВД, число преступлений против женской чести в Российской империи выросло с 12 662 в 1909 г. до 16 195 в 1913 г., то есть за четыре года увеличилось почти на четверть (Свод, 1916: 12). По нашему мнению, по мере эмансипации женской части русского села крестьянки, ставшие жертвами сексуального насилия, стали чаще прибегать к судебной защите.

Проблема заключалась в том, что при всей «прозрачности» деревенских отношений факты изнасилования, прежде всего незамужних женщин, часто оставались неизвестными по причине того, что потерпевшие об этом не заявляли. А не делали они этого из-за того, что не хотели стать объектом деревенских сплетен, и боялись тем самым подорвать добропорядочную репутацию своей семьи. Был еще один момент, который их удерживал от заявления о совершенном преступлении. Он заключался в том, что жалоба об изнасиловании требовала последующего медицинского освидетельствования. Такой врачебный осмотр, обыденный для следственной практики, вызывал у крестьянок панический страх. В деревне считали, что «бабе свое нутро пред людьми выворачивать зазорно». Консерватизм взглядов сельских жителей отчасти способствовал сокрытию информации о совершенных преступлениях (Безгин, 2017: 153).

В обыденном восприятии жителей русского села поругание чести женщины считалось грехом и тяжким преступлением. По сообщению корреспондента Этнографического бюро из Тамбовской губернии, «изнасилование женщин, безразлично возрастов и положения, по народным воззрениям считается самым бесчестнейшим преступлением» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2036. Л. 2). К изнасилованию несовершеннолетних девушек в русской деревне относились строже всего, по мнению крестьян, «тот человек, кто совершил такое, по их понятиям, становился наравне с сатаной» (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1320. Л. 2). Однако правовые традиции русского села допускали примирение сторон при условии денежной компенсации, как при изнасиловании женщины, так и в случае дефлорации девушки (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1054. Л. 4; Русские, 2006. Т. 2. Ч. 1: 47; 2006. Т. 2. Ч. 2: 20). То, сколько дел об изнасиловании осталось без рассмотрения в российской сельской местности, конечно, невозможно

знать, как и количество сексуальных посягательств, улаженных неофициально через выплату компенсации или наказания деревенскими собраниями (Frank, 1999: 165; Русские, 2008. Т. 6: 374).

Присущие обществу стереотипы в оценке сексуального насилия по отношению к женщине находили свое проявление и в решениях коронных судов. Дела об изнасиловании или растлении рассматривались в окружных судах при участии присяжных заседателей, которые и выносили вердикт. Большинство членов жюри по своей сословной принадлежности были крестьянами, что обуславливало наличия в ряде приговоров требования снисхождения. В судебной практике того времени в качестве основания для снисхождения чаще всего указывали грубость нравов и невежество сельских жителей, что однако не мешало осужденным по таким делам писать апелляции на приговор и подавать прошения о помиловании.

В течение 1874–1913 гг. в России среднее годовое число поступавших в суд заявлений об изнасиловании составляло 641 и 133 случая растления малолетних (Frank, 1999: 163). Наряду с увеличением числа изнасилований был отмечен и рост числа групповых преступлений. Если между 1874 и 1897 гг., по подсчетам американского историка С. Фрэнка, 50,9 % мужчин, осужденных по обвинению в сексуальном посягательстве, признались в совершении преступлений с участием других лиц, то в период с 1909 по 1913 г. таких было уже 51,2 % (Frank, 1999: 163). Таким образом, около половины всех преступлений против половой неприкосновенности женщины в дореволюционной России носили групповой характер.

По причине латентного характера данного преступления данные официальной статистики не отражали объективного положения дел. Во-первых, не все потерпевшие крестьянки, обращались с заявлением в полицию (Безгин, 2015: 26-27), часть жертв изнасилования соглашалась на примирение и удовлетворялась денежной компенсацией (Безгин, 2009: 1947-1948) и к судебному разбирательству не прибегала. Во-вторых, далеко не все преступные эпизоды, зафиксированные уездной полицией, попадали в сводки о происшествиях по губерниям, а, следовательно, и не отражались в уголовной статистике.

Стоит согласиться с утверждением С. Фрэнка о том, что «учитывая общественное осуждение, осмеяние и остракизм, включая окрики, которыми встречали местных девушек или женщин с испорченными репутациями, можно вообразить страх и скованность, которые мешали жертвам изнасилования обвинять своих нападавших. Незамужние женщины также должны были учитывать вероятность того, что они не смогут выйти замуж в своем и ближайших поселениях, если преступление станет достоянием общественности» (Frank, 1999: 165).

В силу того, что не все случаи групповых изнасилований в селе завершались судебным преследованием, поэтому ни число приговоров, ни количество осужденных не дают реального представления о степени распространения этого преступления. Например, в «Обзоре Воронежской губернии за 1913 г.» в ведомости о состоянии преступности указано всего 10 дел по изнасилованиям, совершенных крестьянами (Обзор, 1914: 115-116), при том, что только в одном Острогжском уезде этой губернии за полгода, по данным полиции, было зарегистрировано как минимум 5 фактов полового насилия (ГА РФ Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 121. Д. 14ч. 10. Ч. 1. Л. 28, 48об, 108об, 110об.). Можно предположить, что часть изнасилований, в том числе и групповых, совершенных в российской деревне, по тем или иным причинам не стала основанием для следственных действий. В ряде случаев обвинение не предъявлялось по причине отсутствия доказательств, в иных – потерпевшая женщина удовлетворялась денежной компенсацией, а порой насильников наказывали посредством самочинной расправы. По мере подъема правовой культуры деревни, формирования у крестьян гражданского правосознания, развития чувства собственного достоинства у сельских женщин, практика примирения между насильником и его жертвой постепенно уходила в прошлое.

По законодательству дореволюционного периода, изнасилование квалифицировалось как тяжкое преступление. В ст. 1525 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. за преступления против чести и целомудрия женщины или девицы, достигшей 14-ти лет, предусматривалось наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылки на каторжные работы сроком от четырех до восьми лет (Уложение, 1889: 697). Наиболее суровые наказания уголовный закон предусматривал за растление малолетних девочек, то есть девиц моложе 14 лет. По ст. 1523 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. «за растление девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, если оно было сопровождается насилием, виновный подвергался лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы сроком от десяти до двенадцати лет» (Уложение, 1889: 697).

Закон интерпретировал изнасилование как форму оскорбления, относя его в разделе уголовного кодекса «преступлениям против чести и целомудрия женщин». В уголовном законодательстве Российской империи не было квалификации «групповое изнасилование». Следовательно, в криминальной статистике этого периода в разделе «преступления против чести и достоинства женщины» не указывались отдельной графой изнасилования, совершенные группой лиц. Однако, сопоставление количества судебных дел и числа лиц, осужденных по ним, дает основание утверждать, что часть их носила групповой характер. Доля таких изнасилований в общем числе преступлений сексуального характера была невелика, но имела тенденцию к увеличению. Так в Воронежской губернии за 1911 г. нами выявлено (без учета попыток изнасилования) 14 эпизодов

полового насилия над женщинами из которых 2 носили групповой характер. В 1914 г. там же из 13 фактов изнасилований и растлений 6 были совершены в составе группы (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 120. Д. 14ч. 10; Оп. 123. Д. 14ч. 10). Таким образом, число групповых изнасилований в губернии за три года выросло в три раза.

В большинстве изученных фактов насильники были местные жители, т.е. односельчане потерпевших, а, следовательно, люди им знакомые. В сообщении полиции из Владимирской губернии за 1910 г. находим: «9 февраля вечером к крестьянке д. Сафроновой Архангельской волости Меленковского уезда Наталии Ермаковой зашли крестьяне той же деревни Иван Орлов и Андрей Крошкин, предложили согласиться на половое с ними совокупление, но получив в этом отказ, совокупление совершили с ней вопреки ее воли» (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 119. Д. 11ч. 10. Л. 31).

Реже в деревне происходили изнасилования крестьянок, совершенные, как отмечалось в полицейских протоколах, «группой неизвестных лиц». Так произошло 27 мая 1913 г. близ д. Костомаровки Орловского уезда той же губернии, когда четверо неизвестных изнасиловали крестьянку Волобуеву (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 122. Д. 48ч. 10. Л. 580б). Иногда все же удавалось установить личность хотя бы одного из насильников. Трудно определенно утверждать являлось это результатом оперативных действий полиции или один из преступников был опознан жертвой нападения. Так, по данным полиции, в январе 1913 г. в Воронежской губернии были зафиксированы сразу два групповых изнасилования. Одно было зарегистрировано 23 числа в слободе Песках Острогожского уезда, где «крестьяне Колесников и другие в числе четырех изнасиловали крестьянку Вареникову, 21 года» (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 122. Д. 14ч. 10. Л. 170б). Другой факт зарегистрирован 27 числа в с. Ново-Солдатском Нижнедевицкого уезда, когда крестьянская девица Андропова, 16 лет, была подвергнута насилию крестьянами Бирюковым и еще тремя неизвестными (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 122. Д. 14ч. 10. Л. 170б). Возможно, что в этих случаях участниками преступления были жители другого села.

В ходе группового изнасилования преступники нередко наносили женщине побои, а порой и грабили ее. В мае 1914 г. «близ хутора Запольного Бирюческого уезда крестьяне Скрипник-Бабенко, 18 лет, Зюменко, 14 лет, Важинский, 14 лет, нанесли побои крестьянке Ткаченко и изнасиловали ее» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14ч. 10. Л. 980б). Из Воронежской губернии в 1900 г. сообщали в МВД, что «в слободе Бутурлиновке Бобровского уезда крестьяне Плаксицкий, 17 лет, Донской, 20 лет, и Шевченко, 23 года, изнасиловали крестьянку Лушкову и отняли у нее 15 рублей» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 98. Д. 1ч. 64л. Г. Л. 17). В сведениях о происшествиях по Тамбовской губернии за 1911 г. читаем, что «9 марта в г. Козлове на улице была изнасилована крестьянка д. Желановки Вишневецкой волости Козловского уезда Евдокия Чернецова у которой в тоже время было ограблено денег 6 рублей крестьянами с. Лаврова Жидиловской волости Козловского уезда Петром Языковым и с. Лежайки Изосимовской волости Козловского уезда Романом Подольским» (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 120. Д. 72ч. 10. Л. 1010б.).

Одна из особенностей данного вида преступления заключается в том, что участники группового изнасилования, как правило, в момент совершения преступления находились в состоянии алкогольного опьянения. Например, «14 апреля 1911 г. в с. Афанасьевке Коротоякского уезда Воронежской губернии крестьянами Тимофеем Черных, Стефаном Панкратовым и Никифором Венюковым, бывшими в нетрезвом виде, изнасилована крестьянка Наталья Венюкова» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 120. Д. 14ч. 10. Л. 83). Очевидно, что употребление спиртного разжигало похоть, ломало нравственные барьеры, провоцировало агрессию, объектом которой и становилась деревенская женщина.

Грубая физическая сила применялась деревенскими насильниками с целью подавления сопротивления жертвы. Так в ночь на 12 августа 1908 г. около станицы Новодмитриевской Екатеринодарского отдела Кубанской области 9 местных парней в возрасте от 18 до 27 лет изнасиловали крестьянскую девицу Евдокию Высоцкую» (ГА РФ. Ф. 124. Оп. 29. Д. 199. Л. 5). Из материалов судебного дела следовало, что она была захвачена силой на сельской улице, пыталась бежать, но была поймана. По словам потерпевшей, Петр Чепега и Григорий Архипенко ударили ее несколько раз кулаками по голове. После этого ее утащили в лес, где в овраге, пригрозив ей, что убьют, если будет кричать, совершили над ней насилие (ГА РФ. Ф. 124. Оп. 29. Д. 199. Л. 6-60б). Таким образом, наряду с применением физической силы деревенские насильники использовали угрозы, как метод психического давления.

Шокирующее своей жестокостью преступление произошло в 1911 г. в Курской губернии, где, как следует из полицейской сводки, «10 апреля в двух верстах от ст. Суджа крестьяне Топорков и Рябченко напали на крестьянку Зыбину и, совершив над ней насилие, задушили ремненным поясом, а затем ночью положили на рельсы под поезд, которым отрезало ногу Зыбиной» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 120. Д. 34ч. 10. Л. 340б). Необходимо отметить, что приведенный случай, это единственное из обнаруженных нами преступлений, когда преступники намеренно убили потерпевшую, а потом, с целью скрыть следы преступления, пытались инсценировать несчастный случай.

Место совершения группового изнасилования в деревне, как свидетельствуют документы, могло быть разным: окрестности села, проезжая дорога, а также и дом потерпевшей. Так, в д. Становой Елецкого уезда Орловской губернии 3 октября 1911 г. крестьяне Илья и Иван Ивановы и

Иван Малютин, зайдя в дом крестьянки Севрюковой, связали ее и изнасиловали (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 120. Д. 48ч. 10. Л. 112). Годом ранее в той же губернии 1 декабря в д. Ериловке крестьяне Николай и Василий Хомяковы ворвались в дом крестьянки Хомяковой и надругались над ней (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 119. Д. 48ч. 10. Л. 119об). В другом случае, преступление было совершено в поле, где 18 мая 1911 г. крестьяне слободы Песковатка Коротоякского уезда Воронежской губернии Иваном и Николаем Копыловыми была изнасилована крестьянка Меланья Борисова (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 14ч. 10. Л. 154). Даже путь в родное село мог таить для молодой крестьянки опасность. «25 октября 1910 г. в 3 часа по полудню крестьянская девица д. Вельмаевой Барашевской волости Темниковского уезда Тамбовской губернии Александра Еремкина, 16 лет, по дороге между д. Акашевой и Вельмаевой была встречена односельцами своими Матвеем Степановым, Николаем Семеновым и Василием Бутиловым и была ими изнасилована» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 72ч. 10. Л. 137об). Таким образом, насильственные действия сексуального характера, совершенные группой лиц, осуществлялись как в домах потерпевших, так и в безлюдных местах деревни или ее окрестностях, что свидетельствует об их намеренном характере.

В ряде случаев преступные намерения не были доведены до конца по причине бегства женщины, подвергшейся нападению, или постороннего вмешательства, помешавшего насильникам осуществить задуманное. Например, 30 мая 1911 г. днем крестьянка с. Кешаль Стрельниковской волости Темниковского уезда Тамбовской губернии Александра Валгапкина, 25 лет, шла из д. Васильевки Шалинской волости, домой в д. Кешаль. На пути в полверсты от д. Арги она заметила сидевших около дороги крестьян этой деревни Федора Тестова, Дементия Глухова, Захара Тестова, которые остановив Валгапкину стали к ней приставать, предлагая ей половое сношение с ними. Валгапкина не согласилась. Тогда они, схватив Валгапкину, хотели повалить ее на землю с целью изнасилования, но она стала кричать: «караул» и кое-как вырвалась от них и убежала (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 120. Д. 72ч. 10. Т. 2. Л. 93об.). В другом случае избежать потерю чести крестьянской девочке помогло вмешательство ее отца. «15 мая 1913 г. в с. Малые Алабухи той же волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии местные крестьяне Петр Поздняков, 16 лет, Константин Гладышев, 15 лет, намеревались изнасиловать крестьянскую девицу Татьяну Горшневу, 15 лет, но им помешал отец» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 122. Д. 72ч. 10. Л. 67).

Возраст женщин, ставших жертвами групповых изнасилований, был самым разным. В хуторе Галиевке Богучарского уезда 3 февраля 1914 г. крестьяне Данцев, Баранников, Маничев, Циркунов, Кондратьев и Крикунов изнасиловали крестьянскую девочку Цапину, 14 лет (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14ч. 10. Л. 30). Если в данном случае объектом надругательства стала крестьянская девица, то в следующем эпизоде жертвой насилия была зрелая женщина. Так, 13 августа 1910 г. близ д. Мошковой Дмитриевского уезда Орловской губернии крестьяне Акимов и Романов изнасиловали крестьянку Гришину 67 лет (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 123. Д. 48ч. 10. Л. 70б). И уже совсем из ряда вон выходящий случай произошел в слободе Клименковой Острогожского уезда Воронежской губернии, где 15 апреля 1913 г. крестьяне Удодов и Клименков изнасиловали крестьянку Клименкову 79 лет (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 122. Д. 14ч. 10. Л. 66об).

Приведенный пример надругательства над старухой был все же исключением, как правило, объектом сексуального насилия в деревне становились молодые селянки, а чаще крестьянские девушки. По нашим подсчетам, основанных на 34 фактах групповых изнасилований, выявленных в губерниях Центрального Черноземья за период 1910–1916 гг., их жертвами (там, где указан их возраст) стали 16 крестьянок моложе 18 лет, а 18 женщин были старше этого возраста (ГА РФ. Ф. 102. 3-е ДП. Оп. 98. Д. 1ч. 64л. Г; 4-е ДП. Оп. 119. Д. 14ч. 10; Оп. 120. Д. 34ч. 10; Оп. 121. Д. 14ч. 10. Ч. 1; Д. 34ч. 10; Оп. 122. Д. 14ч. 10; Оп. 122. Д. 48ч. 10; Оп. 123. Д. 14ч. 10; Оп. 124. Д. 14ч. 10).

Еще одна особенность такого рода преступлений заключалась в том, что в них участвовали, судя по фамилиям, родственники, скорее всего родные, а может быть и двоюродные братья. Помимо уже упомянутых выше эпизодов, приведем еще несколько фактов: «В с. Ендовище Землянского уезда Воронежской губернии 15 февраля 1914 г. крестьяне Клочковы и Судаков изнасиловали крестьянку Пердунову 17 лет» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14ч. 10. Л. 30); «3 января 1915 г. близ с. Плоского Елецкого уезда Орловской губернии крестьяне Иван и Михаил Селивановы и Роман Малютин изнасиловали крестьянку Лаухину» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 48ч. 10. Л. 30б). Крестьяне традиционно предавали большое значение родственным связям, не были исключением и действия криминального характера.

Изученные документы содержат информацию и о числе участников групповых изнасилований, совершенных в селах губерний Центрального Черноземья. Чаще всего насильников было трое (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14ч. 10. Л. 85, 178об.; Оп. 124. Д. 14ч. 10. Л. 38), иногда четверо (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 14ч. 10. Л. 192об), пятеро (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 122. Д. 14ч. 10. Л. 170б) и более. Так, 23 апреля 1914 г. в хуторе Патомкином Богучарского уезда Воронежской губернии крестьяне Шевченко, Крячко и Ткаченко изнасиловали крестьянку Макухину, 16 лет (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 14ч. 10. Л. 85). Или, в сентябре 1913 г. в с. Стекланной Радице Брянского уезда Орловской губернии крестьяне Грибов, Фалеев, Абрамов, Дымников, Чибисов, Новиков и Кривошеев изнасиловали крестьянку Пильцеву, 19 лет (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 122. Д. 48ч. 10. Л. 104об-105). Число насильников в изученных случаях группового изнасилования было следующим: двое – 9; трое – 15; четверо – 5; пятеро – 2,

шестеро – 1; семеро – 1, девятеро – 1 (ГА РФ. Ф. 102. 3-е ДП. Оп. 98. Д. 14ч. 64л. Г; 4-е ДП. Оп. 119. Д. 14ч. 10; Оп. 120. Д. 34ч. 10; Оп. 121. Д. 14ч. 10. Ч. 1; Д. 34ч. 10; Оп. 122. Д. 14ч. 10; Оп. 122. Д. 48ч. 10; Оп. 123. Д. 14ч. 10; Оп. 124. Д. 14ч. 10).

Следует отметить, что в изученный период, возраст сельских насильников заметно снизился, групповые изнасилования все чаще совершали деревенские подростки. В ведомостях о происшествии по Воронежской губернии за 1912 г. указано, что «26 марта в слободе Ольховатский Лог Острогожского уезда парнями Старченковым, Шабельниковым, Шафоростовым изнасилована крестьянская девица Оплочкова, 16 лет» (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 121. Д. 14ч. 10. Ч. 1. Л. 480б). И далее: «13 мая 1912 г. в слободе Клименкова Острогожского уезда Воронежской губернии крестьянские мальчики в возрасте от 14 до 16 лет Дмитрий, Яков, Герасим Клименковы и Ефим Зубков растлили (следовательно, потерпевшей было менее 14 лет) крестьянскую девочку Варвару Клименкову (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 121. Д. 14ч. 10. Ч. 1. Л. 1100б)».

По нашему мнению, далеко не только плотские желания толкали сельских подростков на преступление. Скорее это была, так называемая «мужская солидарность», которая проявлялась, как никогда, именно в случаях насилия над женщинами. Определенную роль играло стремление сельских парубков к самоутверждению и желание выглядеть «настоящим мужиком», в глазах своих товарищей.

В российском селе отмечены и случаи групповых изнасилований, а точнее растлений, малолетних девочек крестьянскими мальчиками, не достигшими 14 лет. Для примера приведем следующий эпизод, обнаруженный нами в полицейских сводках по Тамбовской губернии за 1911 г.: «В с. Варварке Кочемировской волости Темниковского уезда 20 апреля над Татьяной Филипповой, 4 лет, совершено растление. Произведенным дознанием установлено, что растление совершено в поле в овраге крестьянами той же деревни. Алексеем Лискуткиным, 9 лет, Сергеем Тресковым, 9 лет, и Митрофаном Тресковым 9 лет» (ГА РФ. Ф. 102. 4-е ДП. Оп. 120. Д. 72ч. 10. Т. 2. Л. 209).

Стоит согласиться с утверждением дореволюционного исследователя детской преступности С. Ушке. Он, в частности, отмечал, что «растление девочек на более младший возраст, изнасилование женщин на более старший. Мальчики, за отсутствием физической силы, принуждены заниматься растлением, а юноши направляют свое преступное посягательство уже против взрослой женщины» (Ушке, 6/г: 28). Данный вывод подтверждается и материалами уголовной статистики. В период с 1874 по 1898 г. преступники младше семнадцати лет в делах о растлении составляли в среднем 22,6 % в течение всего периода, максимальные 35,7 % были достигнуты в 1888 г. В делах об изнасиловании только 5,8 % преступников принадлежали этой возрастной группе (Свод, 1916: 165).

Отмеченная тенденция снижения возраста лиц, совершивших сексуальные преступления, в том числе и в составе группы, сохранилась и в начале XX в., на что указывают результаты губернской статистики. Так, в 1913 г. в Воронежской губернии за изнасилования по 15 уголовным делам было осуждено 19 крестьян. Возраст четверых преступников был ниже 17 лет, еще четверо насильников попадали в категорию 17–20 лет, и девяти преступникам было от 21 до 30 лет (Обзор, 1914: XXX–XXXI). Таким образом, чуть менее половины всех насильников, даже по крестьянским меркам, были несовершеннолетними.

Данные по региону в целом за 1910–1916 гг. еще более красноречивы. Возраст крестьян (в тех случаях, где он указан), участников групповых изнасилований был таковым: до 14 лет – 4; от 14 до 18 лет – 13; от 19 до 21 года – 9; свыше 21 года – 3 (ГА РФ. Ф. 102. 3-е ДП. Оп. 98. Д. 14ч. 64л. Г; 4-е ДП. Оп. 119. Д. 14ч. 10; Оп. 120. Д. 34ч. 10; Оп. 121. Д. 14ч. 10. Ч. 1; Д. 34ч. 10; Оп. 122. Д. 14ч. 10; Оп. 122. Д. 48ч. 10; Оп. 123. Д. 14ч. 10; Оп. 124. Д. 14ч. 10). Таким образом, из 29 насильников 26 человек были моложе 21 года, т.е. несовершеннолетние составляли почти 90% от числа участников групповых изнасилований.

5. Заключение

Групповые изнасилования, как явление повседневной жизни российского села начала XX в., были обусловлены отчасти наследием патриархального общества, коим деревня оставалась до конца XIX в., а точнее, бытовавшими в крестьянском социуме стереотипами, и восприятие женщины как объекта насилия, в том числе и сексуального. Сексистские установки деревенской обыденности не осуждали насилие и жестокость по отношению к сельской бабе, считая эти действия для мужиков приемлемыми.

Общественное мнение села воспринимало случаи изнасилования девиц сельскими парнями скорее как «молодецкое озорство», «пагубу девичьей чести», «срам семьи», но отнюдь не как преступление. По причине латентного характера изнасилований и не всегда результативных усилий полиции у потенциальных насильников отсутствовал страх перед неотвратимостью наказания. Суть ситуации точно выразил современный исследователь. «Обычно сексуальным насилием безнаказанно занимаются бюргеры, крестьяне, пролетарии, миллионеры, но это психически нормальные люди, они просто равнодушны к тем, кого считают ниже себя, их никто не вылавливает и даже не осуждает» (Accion Positiva, 2016).

Рост сексуальных преступлений, в том числе и групповых изнасилований, в российской деревни периода модернизации был обусловлен следующими факторами. Это, прежде всего, нравственная

деградация села как результата процесса «охлаждения веры», охватившего село в конце XIX – начале XX в. Другая причина заключалась в утрате общиной функции социального контроля по причине возросшей мобильности крестьян и правительственного курса, направленного на подрыв ее консолидирующей роли.

Анализ половых преступлений, совершенных крестьянами, дает основание утверждать, что одиночные изнасилования были присущи молодым крестьянам, участниками групповых изнасилований становились преимущественно деревенские подростки, а в роли растлителей выступали мужчины среднего и старшего возраста.

В начале XX в. по мере роста числа изнасилований снижается возраст преступников их совершаемых. Насильственные действия отличаются цинизмом, чаще носят групповой характер. Нравственный излом российского общества находит свое выражение в распространении социальных девиаций, росте преступности и нарастании чувства коллективной агрессии.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ ОГОН «Крестьянство в условиях модернизации и разрушения традиционных ценностей: социальные девиации конца XIX – начала XX века (региональный аспект)», проект 15-01-00117а.

Литература

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея.

Безгин, 2017 – *Безгин В.Б.* Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М., 2017.

Безгин, 2009 – *Безгин В.Б.* Половые преступления в сельской повседневности конца XIX – начала XX вв. // *Право и политика.* 2009. № 9. С. 1946-1955.

Безгин, 2015 – *Безгин В.Б.* «Против воли ее и согласия»: изнасилование и растление в России и их уголовное преследование (конец XIX – начало XX века) // *Новый исторический вестник.* 2015. № 3(45). С. 25-43.

Богомаз, 2015 – *Богомаз А.П.* Преступница или жертва: домашнее насилие в России в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник ТвГУ. Серия «История».* 2015. № 2. С. 143-153.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

Мионов, 2000 – *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2-х т. СПб., 2000. Т. 2.

Муравьева, 2012 – *Муравьева М.* Повседневные практики насилия: супружеское насилие в русской семье XVIII в. // *Бытовое насилие в истории российской повседневности.* СПб., 2012. С. 143-153.

Мухина, Пушкарева, 2012 – *Мухина З.З., Пушкарева Н.Л.* Женщина и женское в традиционной русской сексуальной культуре (до и после Великих реформ XIX века) // *Вестник Пермского университета.* 2012. Вып. 3(20). С. 43-55.

Обзор, 1914 – Обзор Воронежской губернии за 1913 г. Воронеж, 1914.

Русские – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». СПб. 2005-2011. Т. 1-7.

Свод, 1916 – Свод статистических сведений по делам уголовным за 1913 г. Пг., 1916.

Уложение, 1889 – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1898.

Ушке, б/г – *Ушке С.* Дети-преступники. Рига, б/г.

Федоров, 2015 – *Федоров С.Г.* Самосуд и снохачество в обычном праве российской и сибирской деревень во второй половине XIX – начале XX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2015. № 11-1(61). С. 185-188.

Accion Positiva – Accion Positiva. Изнасилование. Маскулинность. [Электронный ресурс]. URL: <http://womensation.org/rape-and-masculinity>. (Дата обращения 09.08.2016).

Frank, 1999 – *Frank, Stephen P.* Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856–1914. Berkeley, Calif London: University of California Press, 1999.

Healey, 2012 – *Healey, Dan.* Comrades, Queers, and 'Oddballs': Sodomy, Masculinity, and Gendered Violence in Leningrad Province of the 1950s. // *Journal of the History of Sexuality,* 2012, 21.3: 496-522.

Kaiser, 2002 – *Kaiser, Daniel.* «He Said, She Said»: Rape and Gender Discourse in Early Modern Russia. // *Kritika,* 2002, 3: 197-216.

Muravyeva, 2005 – *Muravyeva, Marianna G.* Metodologicheskie problemy sovremennoi istoriografii seksual'nogo nasilia na Zapade i v Rossii. // *Gendernye issledovaniia,* 2005, 13: 171-189.

Naiman, 1990 – *Naiman, Eric.* The case of chubarov alley: collective rape, utopian desire and the mentality of NEP // *Russian History,* 1990, 17.1: 1-30.

References

AREM – Arhiv Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya [Archive of the Russian ethnographic museum]

Bezgin, 2017 – *Bezgin V.B.* (2017). Povsednevnyiy mir russkoy krestyanki perioda pozdney imperii. [The everyday world of the Russian peasant woman of the late empire]. М.. [in Russian].

Bezgin, 2009 – *Bezgin V.B.* (2009). Polovye prestupleniya v sel'skoj povsednevnosti konca XIX – nachala XX vv. [Sex crimes in rural everyday life of the late XIX – early XX centuries]. *Pravo i politika*. № 9. pp. 1946–1955. [in Russian].

Bezgin, 2015 – *Bezgin V.B.* (2015). «Protiv voli ee i soglasija»: iznasilovanie i rastlenie v Rossii i ih ugolovnoe presledovanie (konec XIX – nachalo XX veka) [«Against her will and consent»: rape and molestation in the peasant milieu and criminal prosecution for these crimes (late 19th – early 20th centuries)]. *Novyj istoricheskij vestnik*. № 3(45). pp. 25–43. [in Russian].

Bogomaz, 2015 – *Bogomaz A.P.* (2015). Prestupnitsa ili zhertva: domashnee nasilie v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [The criminal or victim: domestic violence in Russia in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya»*. № 2. pp. 143–153. [in Russian].

GA RF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [The State archive of the Russian Federation]

Mironov, 2000 – *Mironov B.N.* (2000). Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social history of Russia during the period of the empire (XVIII – early XX century)]. V 2-h t. SPb. T. 2. [in Russian].

Muraveva, 2012 – *Muraveva M.* (2012). Povsednevnyie praktiki nasiliya: supruzheskoe nasilie v russkoj seme XVIII v. [The daily practice of violence: marital violence in the Russian family of the XVIII century] / Byitovoe nasilie v istorii rossijskoj povsednevnosti. SPb. pp. 143–153. [in Russian].

Muhina, Pushkareva, 2012 – *Muhina Z.Z., Pushkareva N.L.* (2012). Zhenschina i zhenskoe v traditsionnoj russkoj seksualnoj kulture (do i posle Velikih reform XIX veka) [Woman and feminine in the traditional Russian sexual culture (before and after the Great Reforms of the XIX century)]. *Vestnik Permskogo universiteta*. Vyip. 3(20). pp. 43–55. [in Russian].

Obzor, 1914 – *Obzor Voronezhskoj gubernii za 1913 g.* [Review of the Voronezh province for 1913]. Voronezh, 1914. [in Russian].

Russkie – Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nnavy. Materialy «Ehtnograficheskogo byuro knyazya V.N. Tenisheva» [Russian peasants. A life. Gen. Morals. Materials of the «Ethnographic Bureau of Prince VN. Tenishev»]. SPb. 2005–2011. T. 1-7. [in Russian]

Svod, 1916 – Svod statisticheskikh svedenij po delam ugovolnym za 1913 g. [Summary of statistical information on criminal cases for 1913]. Pg., 1916. [in Russian].

Ulozhenie, 1898 – Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1885 g. [The Code of Criminal and Correctional Penalties of 1885]. SPb., 1898. [in Russian].

Ushke, b/g – *Ushke S.* Deti-prestupniki [Children-criminals]. Riga, b/g. [in Russian].

Fedorov, 2015 – *Fedorov S.G.* (2015). Samosud i snohachestvo v obyichnom prave rossijskoj i sibirskoy dereven vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Samosud and snohachestvo in the customary law of the Russian and Siberian villages in the second half of the XIX – early XX century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosyi teorii i praktiki*. № 11-1(61). pp. 185–188. [in Russian].

Accion Positiva – Accion Positiva. Rape. Masculinity. [Rape. Masculinity]. [Electronic resource]. URL: <http://womensation.org/rape-and-masculinity>. (Date of circulation August 9, 2016). [in Russian].

Frank, 1999 – *Frank, S.P.* (1999). Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856–1914. Berkeley, Calif London: University of California Press.

Healey, 2012 – *Healey, Dan.* (2012). Comrades, Queers, and 'Oddballs': Sodomy, Masculinity, and Gendered Violence in Leningrad Province of the 1950s. *Journal of the History of Sexuality*, 21.3: 496–522.

Kaiser, 2002 – *Kaiser, D.* (2002). «He Said, She Said»: Rape and Gender Discourse in Early Modern Russia. *Kritika*, 3: 197–216.

Muravyeva, 2005 – *Muravyeva, M.G.* (2005). Metodologicheskie problemy sovremennoi istoriografii seksual'nogo nasilia na Zapade i v Rossii. *Gendernye issledovaniia*, 13: 171–189.

Naiman, 1990 – *Naiman, E.* (1990). The case of chubarov alley: collective rape, utopian desire and the mentality of NEP. *Russian History*, 17.1: 1–30.

УДК 94(47)083

Групповые изнасилования в российском селе начала XX века

Владимир Борисович Безгин^{а, *}

^а Тамбовский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность темы определена современной тенденцией повышения общественной опасности преступных посягательств на половую неприкосновенность женщин. Такие деяния, совершенные группой лиц, отличаются цинизмом и сопровождаются насилием.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vladyka62@mail.ru (В.Б. Безгин)

Анализ состояния этой проблемы в российской деревне столетней давности будет полезен в выяснении виктимных причин этого преступления и установлении факторов проявления сексуальной агрессии.

Цель статьи состоит в изучении такого феномена сельской обыденности дореволюционной деревни как групповые изнасилования. На основе широкого круга архивных источников, введенных в научный оборот впервые, дан анализ групповых изнасилований, совершенных крестьянами в российском селе начала XX века. Установлены особенности данного вида преступлений и степень их распространения в крестьянской среде. Выявлены характерные места их совершения, численность преступных групп, их возрастной состав. Отмечена тенденция снижения возраста деревенских насильников на фоне увеличения числа преступлений сексуального характера в российской деревне. Изучена судебная практика по делам такого рода и мера ответственности за преступления против чести и достоинства женщин. Особое внимание уделено крестьянкам, жертвам групповых изнасилований.

В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы. Групповые изнасилования в российском селе были обусловлены как маскулинностью патриархального уклада деревни, так и сексизмом стереотипов, бытовавших в крестьянской среде. Увеличения числа групповых изнасилований в деревне изучаемого периода стало следствием возросшей социальной мобильности крестьян, секуляризации сознания сельских жителей, эрозии моральных устоев, роста девиантного поведения в среде деревенской молодежи.

Ключевые слова: Российская империя начала XX века, крестьянство, деревня, групповые изнасилования, преступление, полицейской расследование, уголовное преследование, суд, наказание.